
РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
ПО ЭПОХЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ДАТИРОВКА КАМЕРНОГО ПОГРЕБЕНИЯ
В КУРГАНЕ 348 ТИМЕРЕВСКОГО НЕКРОПОЛЯ

© 2012 г. С.С. Зозуля

Государственный Исторический музей, Москва (z@gnezdovo.com)

Ключевые слова: *дружинные некрополи, древности эпохи викингов, погребальный обряд, образование Древнерусского государства.*

The dates of the “*druzhina*” necropolises which go back to the time of emergence of the Old Russian state have long been the focus of attention for scholars in this country and abroad. The cemetery at Timeryovo has also been an object of interest. One of the most vivid burials at the site is chamber grave 348, which yielded rich grave goods, clearly Scandinavian in appearance. The article attempts to date the burial on the basis of analyzing the archive materials, the grave goods and the funeral rite, and suggests a new date: 990–1010 AD. Even though many assertions in the article may appear disputable, we are of the opinion that the most probable date of the burial is the turn of the 10th and 11th cc. Thus, chamber burial 348 may be one of the most recent “classical” chamber burials.

О комплексе археологических памятников вблизи д. Большое Тимерево Ярославской обл. написаны десятки статей и книг. Дискуссия, касающаяся некрополя, не умолкает более века. Один из наиболее актуальных вопросов – временная локализация функционирования всего могильника в целом и каждого конкретного погребения в частности.

Исследования Тимеревского археологического комплекса проходили с 1872 по 1990 г. За это время раскопано 472 кургана, исследовано около 6000 м² на прилегающем поселении. Накопленный объем материала позволяет делать выводы о хронологии поселения и могильника.

Курган 348 Тимеревского курганного кладбища был раскопан экспедицией Государственного Исторического музея (ГИМ) под руководством М.В. Фехнер летом 1976 г. Авторы раскопок отнесли комплекс к первой половине X в. (Недошивина, Фехнер, 1985. С. 110).

Насыпь кургана, находящегося в восточной части могильника, была раскопана на снос с оставлением двух перпендикулярных бровок, ориентированных по сторонам света. Высота составляла 0.9 м, диаметр по линии З–В – 8.5, по линии С–Ю – 8.75, вокруг кургана были отмечены следы ровика.

По данным отчета, курган уже подвергался раскопкам при невыясненных обстоятельствах. Есть и другая, более логичная версия: понижение в центральной части насыпи кургана образовалось вследствие обрушения деревянных перекрытий погребальной камеры и провала внутрь части на-

сыпи. Подобные западения над погребальными камерами известны в Гнёздово (Авдусин, Пушкина, 1989. С. 191).

На глубине –75 см от вершины насыпи начали появляться следы кострища (мелкие угольки), наибольшее количество угля выявлено на глубине –80/–90 см. Кострище располагалось на материке, размеры погребального костра – 4 × 5 м при толщине зольно-угольного слоя, насыщенного мелкими кальцинированными костями, – 10–15 см. Кострище было окружено большими камнями, лежащими на глубине –85/–90 см. Небольшое скопление костей было выявлено в его восточной части, в нем были зафиксированы несколько обожженных фрагментов скорлупообразной фибулы, обломки одно-стороннего костяного гребня и три бусины (рис. 1; 2, 1–3)¹ (Фехнер, 1976. С. 7, 8).

По определению Е.Г. Андреевой, на кострище было совершено парное трупосожжение двух индивидов: взрослого, возможно, пожилого, и, судя по антропологическому материалу и погребальному инвентарю, молодой женщины (1976. С. 1, 2).

Юго-восточная часть кострища была разрушена могильной ямой размерами 290 × 190 см при углублении в материк на 60, ориентированной с северо-востока на юго-запад. Указанные размеры позволяют охарактеризовать погребение как камерное

¹ Планы кургана взяты из отчета, хранящегося в Научно-ведомственном архиве ГИМ, и оцифрованы с помощью программы CorelDRAW X4. Часть фотографий предметов из инвентаря кургана сделана И.А. Седеньковым.

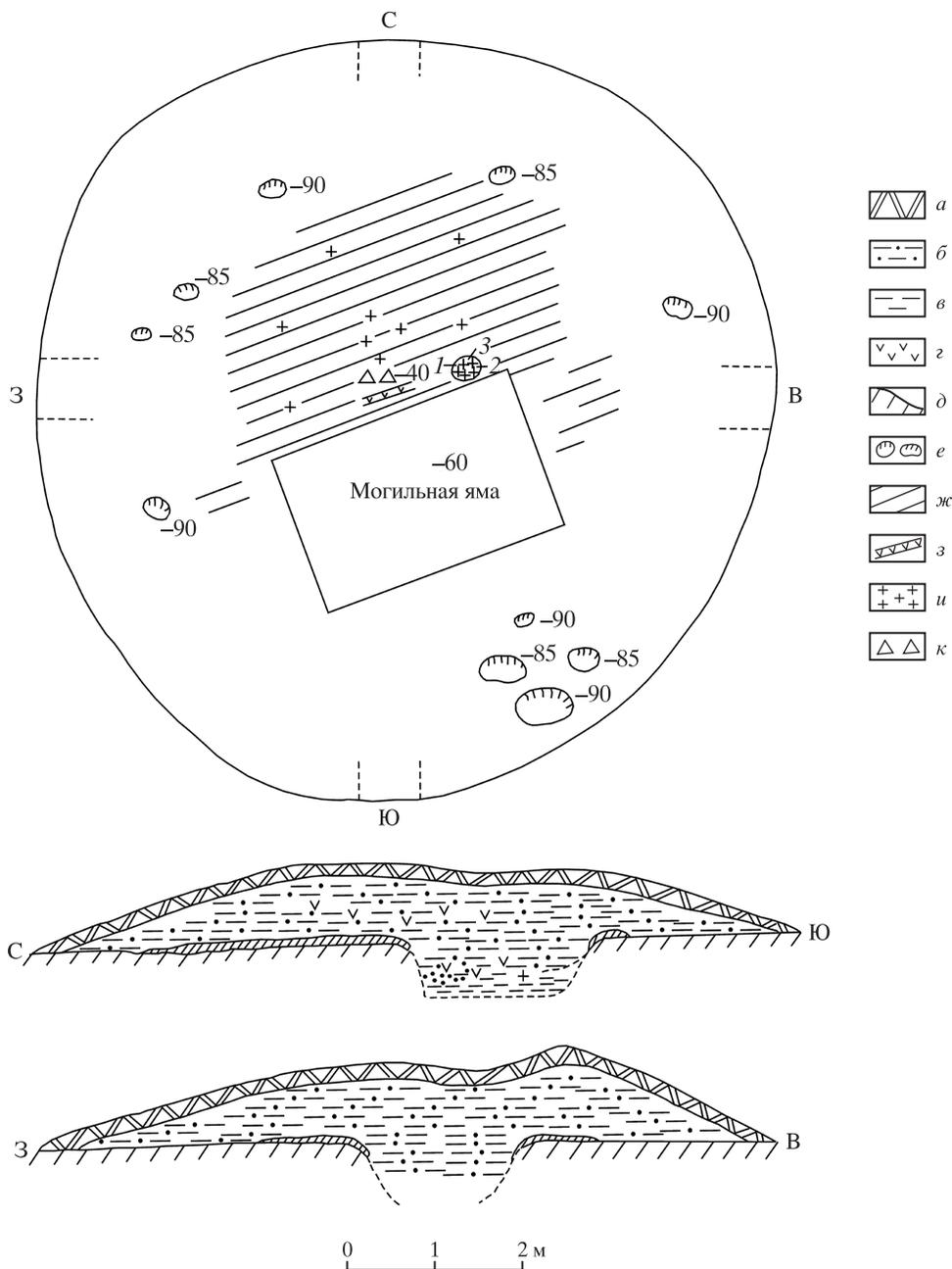

Рис. 1. План погребения 348/1. Условные обозначения: *a* – дерн; *б* – суглинок; *в* – глина; *г* – уголь; *д* – материк; *е* – камни; *ж* – кострище; *з* – обугленная плаха; *и* – кальцинированные кости; *к* – керамика; *л* – обломки скорлупообразной фибулы; *2* – бусы (3 экз.); *3* – обломок костяного гребешка.

(Жарнов, 1998. С. 95). В камере обнаружен скелет женщины, лежащей на левом боку с согнутыми ногами. В области груди – две овальные и одна круглая фибулы. На обратной стороне круглой фибулы – ушко для крепления железной цепочки, на которой, по мнению авторов раскопок, висели односторонний костяной гребень с бронзовыми позолоченными накладками и, возможно, небольшой нож

с рукояткой, обвитой тонкой серебряной проволокой². На фаланге пальца правой руки (мизинца?) найден серебряный перстень с сердоликовой вставкой, на которой вырезана арабская надпись. В районе тазовых костей лежали 18 бус (12 – из горного хрусталя различной формы и размера,

² Железная цепочка не поступала в коллекцию ГИМ.

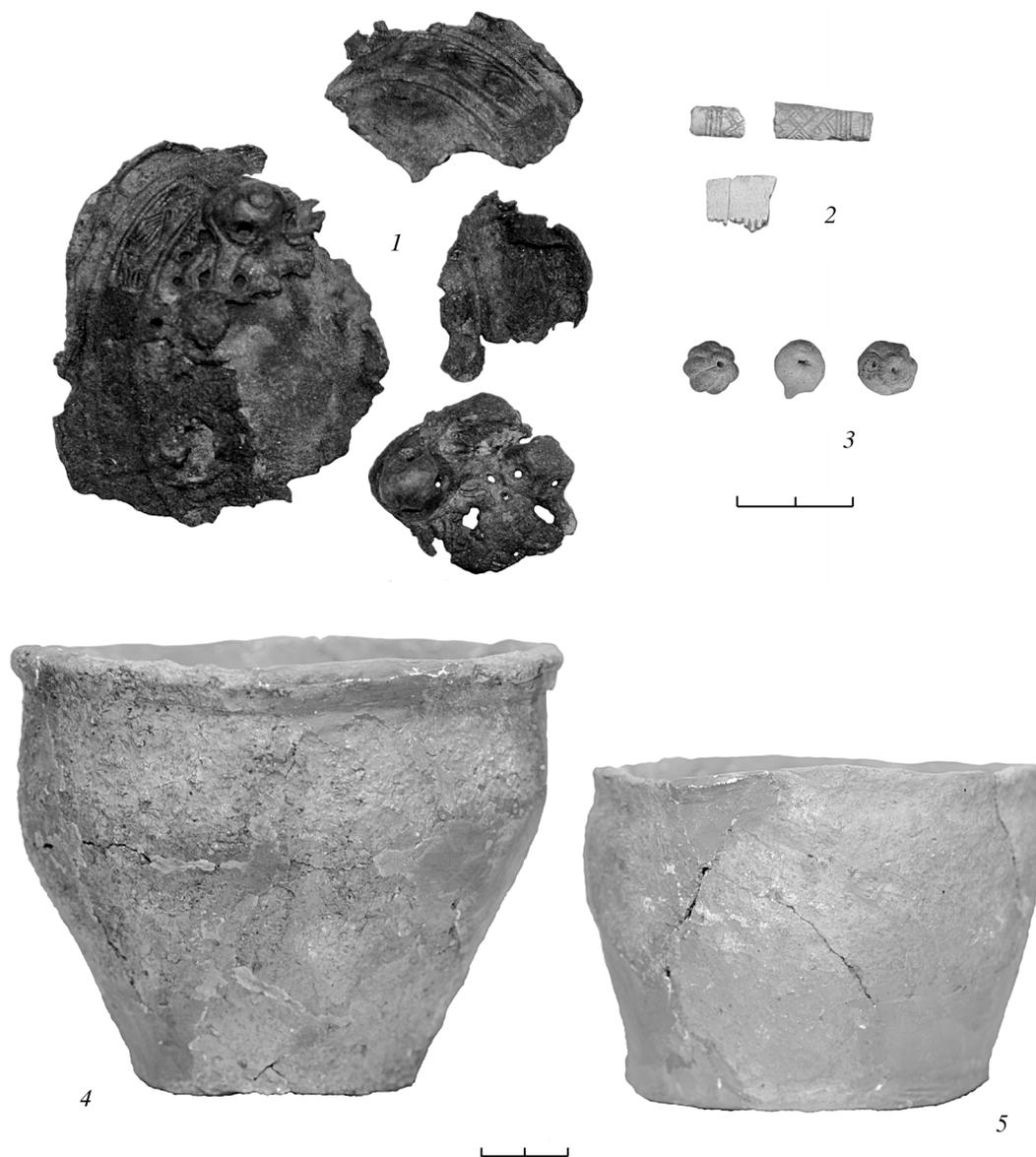

Рис. 2. Инвентарь погребения 348/1: 1 – фрагменты фибулы (бронза); 2 – фрагменты гребня (кость); 3 – бусы (стекло). Инвентарь погребения 348/2: 4, 5 – лепные сосуды (глина).

6 – из глухого стекла желтого, голубого и зеленого цветов), бутылковидная подвеска, 2 монеты, превращенные в подвески (дирхем и денарий), а также железные предметы в скоплении: обломок ключа от деревянного замка, четырехгранное массивное кольцо, фрагменты четырехгранного стержня (обломки иглы от скорлупообразной фибулы), оковки шкатулки с гвоздиками. На черепе и близ него обнаружены остатки металлизированной тесьмы – серебряные уточные нити со слабыми следами позолоты. М.В. Фехнер предполагала, что это остатки тесьмы от головного убора, тканной на дощечках. На черепе и в районе груди зафиксированы следы тончайшей шелковой ткани полотняного переплетения, по реконструкции авторов раскопок при-

крывавшей лицо и грудь покойной. В районе ног, с правой стороны от костяка – развалы двух лепных сосудов, нижняя часть челюсти свиньи и кость теленка (рис. 1; 2; 3, 4, 5; 4) (Фехнер, 1976. С. 7–9).

Соотношение длины и ширины ямы и сидячее положение погребенной позволяют определить захоронение как камерное. Деревянные стены, нижнее и верхнее перекрытия конструкции камеры авторами раскопок зафиксированы не были. Однако есть основания предполагать наличие как минимум деревянного перекрытия потолка могильной ямы. Ю.Э. Жарнов, рассматривая типы камерных захоронений в Гнёздово, отметил земляные камеры как один из вариантов этого обряда.

В них отсутствовала деревянная облицовка стен, но присутствовало перекрытие дощатым настилом сверху. Правда, описанный тип сравнительно редок: 1 захоронение (Ц-249) против 17 погребений в камерах с деревянной облицовкой стен, потолка, а иногда и пола из 18 относительно хорошо документированных комплексов со следами конструкций погребальных сооружений (Жарнов, 1998. С. 96).

Таким образом, в кургане было совершено погребение по обряду парного трупосожжения, а позже в этой же насыпи было совершено одиночное камерное погребение, нарушившее первоначальное.

Инвентарь парного трупосожжения довольно скуден. Кроме скандинавской фибулы типа ЯП 51С были обнаружены три бусины VIII группы 4 подгруппы по типологии З.А. Львовой и обломки гребня группы 2 по типологии О.И. Давидан. Погребение можно отнести к скандинавским (на это указывает не только наличие скорлупообразной фибулы типа ЯП 51С, но и погребальный обряд – кольцевая каменная оградка) и датировать второй половиной X в.

Инвентарь ингумации значительно богаче. Датировка погребения осложняется тем, что часть предметов имеет довольно широкое хождение. Так, о времени погребения уже, чем в пределах 100 лет, не свидетельствуют нож, обломок ключа, бронзовая привеска, круглая фибула, лепные сосуды, железное кольцо и остатки ткани. Стекланные бусы VIII группы 4 подгруппы также не дают узкой даты. Большие возможности для датирования представляет набор каменных бус: в ожерелье присутствуют типы каменных и стеклянных бус, характерных для середины – второй половины X в. Большие рифленные полусферические каменные бусы, встреченные в погребении, близки типу S010 по И. Каллмеру, который относит их к поздним формам, встречающимся в 980–1000 гг. (Callmer, 1977. P. 77, 91. Pl. 21). Однако слепо опираться на скандинавскую хронологию при исследовании древнерусского материала не следует. Так, фибулы, характерные для территории Скандинавии в первой половине X в., в этом погребении запаздывают на 50 лет.

Не вызывает сомнения этническая принадлежность обнаруженной в камере женщины: в инвентаре присутствуют четкие скандинавские индикаторы. Женщина была погребена в сидячем положении. Аналогичные случаи зафиксированы как на территории Древней Руси (Гнёздово, Киев, Шестовица), так и за ее пределами (Бирка). Причем во всех случаях погребения определяются как скандинавские (Авдусин, Пушкина, 1989. С. 203).

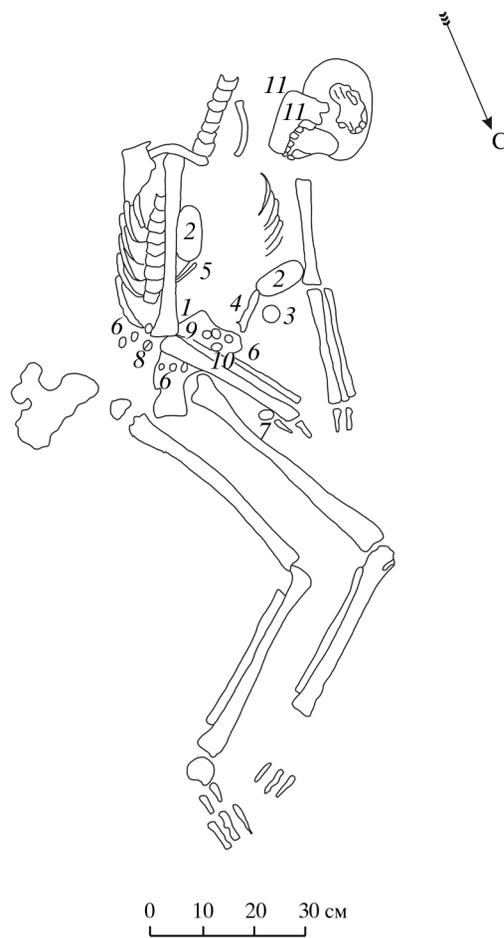

Рис. 3. План погребения 348/2. Условные обозначения: а – кости животных; б – обломки лепных горшков; 1 – обломки железных предметов; 2 – скорлупообразная фибула; 3 – круглая фибула; 4 – гребешок; 5 – нож; 6 – бусы; 7 – перстень; 8 – бубенчик; 9 – привеска-дирхем; 10 – привеска-денарий; 11 – серебряные нити от головного венчика.

В современной отечественной историографии утвердилось представление о появлении камерного обряда погребения усопших в Ярославском Поволжье (да и в Древней Руси в целом) во второй половине X в. (Жарнов, 1998. С. 99; Авдусин, Пушкина, 1989. С. 203). Авторы раскопок рассматриваемого комплекса датировали погребение как первой (Недошивина, Фехнер, 1985. С. 110), так и второй (Мальм и др., 1977. С. 60) половиной X в. Не совсем ясна позиция К.А. Михайлова: исследователь датирует погребение 348 первой половиной X в., но появление самого обряда камерных погребений в Ярославском Поволжье относит ко второй половине – концу X в. (2001. С. 168, 169, 173). И.В. Дубов и В.Н. Седых посвятили погребениям, совершенным в камерах и срубках, специальную работу: из 12 учтенных комплексов Ярославского Поволжья

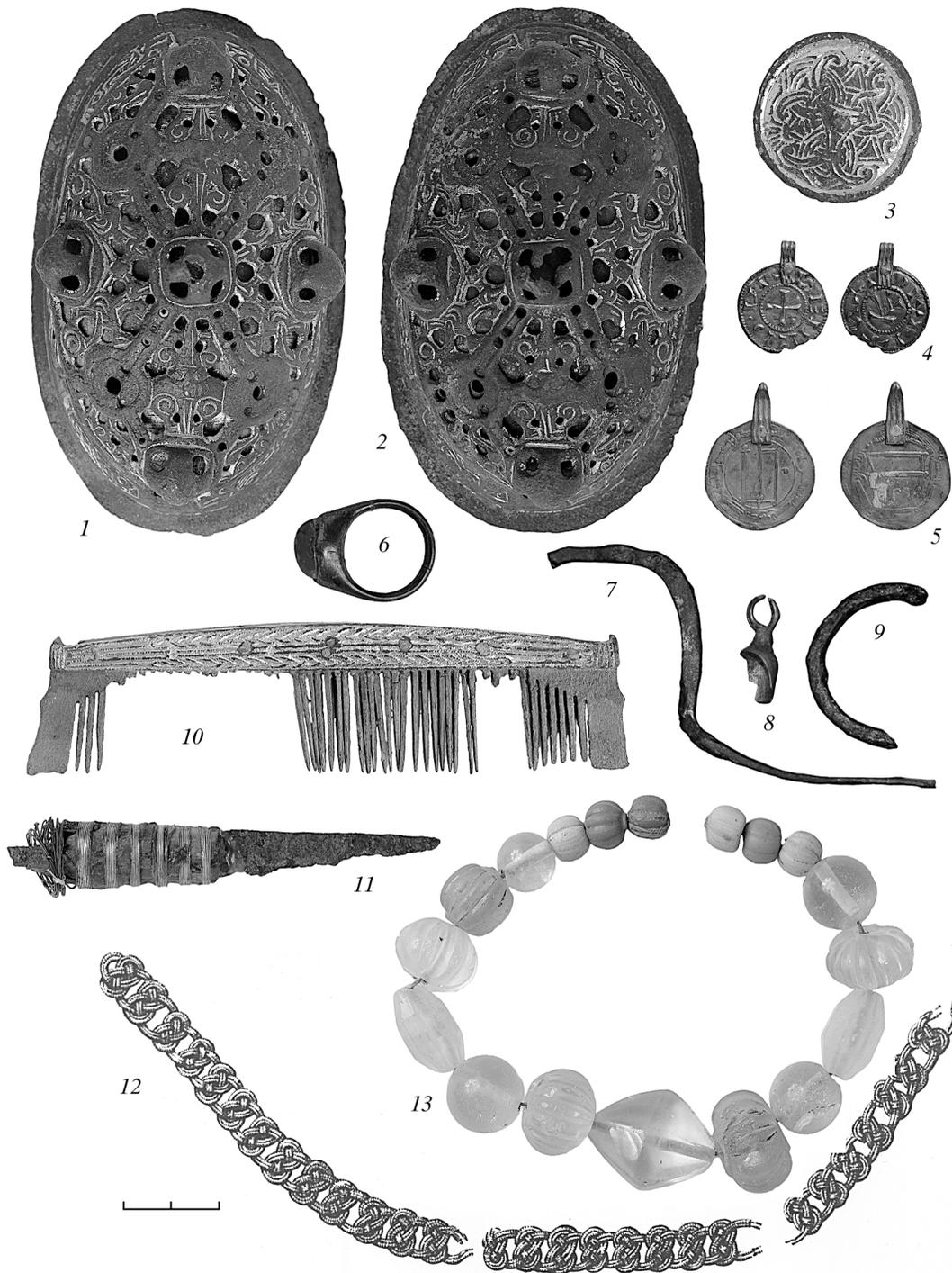

Рис. 4. Инвентарь погребения 348/2: 1–3 – фибулы (бронза, позолота); 4 – денарий (серебро); 5 – дирхем (серебро); 6 – перстень (серебро, камень); 7 – фрагмент ключа (железо); 8 – фрагмент привески (бронза); 9 – фрагмент кольца (железо); 10 – гребень (кость, бронза, позолота); 11 – нож с деревянной рукоятью (железо, дерево, серебро); 12 – головной венчик (серебро, позолота?); 13 – бусы (стекло, камень).

лишь погребение из кургана 348 датируется ими первой половиной X в. (1993. С. 150).

Необходимо сказать, что датировка камерного погребения 348 первой половиной X в. основана на обнаружении фибул типа ЯП 51В, двух монет, пре-

вращенных в подвески, гребня с бронзовой накладкой на рукоять и перстня с арабской надписью.

Как Н.Г. Недошивина и М.В. Фехнер (1985. С. 110), так и И.В. Дубов и В.Н. Седых (1993. С. 146) приводят в качестве подтверждения ранней

даты захоронения наличие в погребении гребня с бронзовой накладкой. Подобных гребней, происходящих с территории Восточной Европы, всего 10 экз. Все комплексы, поддающиеся узкой датировке, относятся как раз ко второй половине X в.

Обоснование датировки первой половиной X в. перстней с арабскими надписями приведено не было (Дубов, Седых, 1993. С. 146). Недавно вышла работа Т.С. Дорофеевой, посвященная найденной на Рюриковом городище инталии (2010). В статье собрана информация о находках нескольких вставок от перстней, подобных происходящей из Тимерева захоронения. Из трех вставок с Рюрикова городища (еще одна, плоская, не рассматривается) две поддаются узкой датировке – вторая половина X в. Еще одна происходит из мешаного слоя. Единственная вставка из самого Новгорода также относится ко второй половине X в. (Дорофеева, 2010. С. 281, 282). Из раскопок в Старой Ладоге происходят как минимум три вставки от перстней с арабскими надписями. Одна из них относится к верхним слоям раскопа 2002 г., датированным 920–940 гг., две другие, к сожалению, датированы широко – X в. (Кирпичников, 2009. С. 339–342. Рис. 8; 9). Несколько перстней и вставок к ним салтовского типа известны и из раскопок Гнёздовского археологического комплекса. Точное их количество и датировку еще предстоит уточнить. Но можно отметить находку перстня в кургане Л-47 (раскопки Д.А. Авдусина 1950 г.). Автор публикации датирует курган серединой X в. (Подвигина, 1961. С. 53), но есть основания предполагать и более позднюю датировку, основанную на обнаружении в комплексе византийских монет. В ближайшей округе Гнёздова, на городище Рокот были найдены перстень салтовского типа со стеклянной вставкой и стеклянная вставка от подобного перстня. Однако перстень найден в ходе несанкционированных раскопок, а вставка – в распаханном слое. Поэтому единственной возможной датировкой этих предметов может являться датировка памятника в целом. Таким образом, обе находки, по мнению В.С. Нефедова, относятся к концу IX(?) – середине X в. (2004. С. 239, 240).

Из Тимерева археологического комплекса происходит не менее 11 серебряных перстней со вставками и просто вставок: 1 (с арабской надписью) – с территории поселения, еще 10 – из курганов. В трех погребениях на вставках были надписи (курганы 120, 348, 382), еще семь (курганы 95, 100, 265, 284, 297, 382, 459) надписей не содержали (Дубов, 1982. Рис. 40, II; 1976. Рис. 2, II; Дубов, Седых, 1992. Рис. 2, 2; Седых, 2001а. С. 180, 181; Фехнер, Недошивина, 1987. С. 82). Среди перечисленных курганов присутствуют насыпи второй

половины и даже последней четверти X в., поэтому вставка от перстня не может быть основанием для датировки комплекса 348 первой половиной X в.

О том, что фибулы типа ЯП 51С и 51В в течение какого-то периода бытовали на территории Древней Руси одновременно, наглядно свидетельствует материал из рассматриваемого кургана, хотя на территории Скандинавии тип ЯП 51С распространяется значительно позже, чем ЯП 51В (Jansson, 1985. P. 224). Таким образом, обнаружение в первоначальном захоронении фибулы типа ЯП 51С³ отвергает датировку, основанную на хронологии распространения фибул типа ЯП 51В. К тому же мы располагаем фактами бытования фибул типа ЯП 51В на древнерусской территории и в последней четверти X в. – камерное погребение Ц-306 в Гнёздово. Напомним, что датировка этого захоронения опирается на дендродату – 979 г. (Авдусин, Пушкина, 1989. С. 203). По мнению А.А. Карпухина, пока нет возможности указывать даты для погребений из Гнёздова с точностью до года. Результаты статистической проверки позволили ему скорректировать дату погребения Ц-306 второй половиной 70-х годов X в. (Карпухин, 2001. С. 206). Удревнение на три-четыре года совсем не искажает выводы Д.А. Авдусина и Т.А. Пушкиной.

Еще одним аргументом служит обнаружение двух монет, превращенных в подвески: дирхема Аббасидов анонимного чекана ар-Рашида в медьнате ас-Селаме 188 г.х. (803–804 гг.) и английского пенни рубежа IX–X или, скорее, начала X в.

Дирхемы Харуна ар-Рашида (787–809 гг.) отчеканены в огромном количестве и присутствуют, зачастую преобладая, во всехкладах второго периода монетного обращения на территории Восточной Европы (с 833 г. до начала X в.). В.Л. Янин объясняет это тем, что именно ко времени правления Харуна ар-Рашида относится начало активных торговых связей арабов с Восточной Европой (2009. С. 124, 125). Таким образом, монета могла попасть в Тимерево либо в конце IX – начале X в. (нижняя граница хронологии могильника), либо позже.

По наблюдениям А.В. Фомина, монеты Харуна ар-Рашида не встречаются вкладах после 910 г. Однако в связи с восточным серебряным кризисом конца X в. вкладах 990–1010 гг. вновь начинают встречаться монеты чеканки Аббасидов.

³ К сожалению, исследователи, отстаивающие раннюю датировку камерного погребения 348, зачастую по непонятным причинам игнорируют захоронение по обряду трупосожжения, совершенное в этом же кургане. Что в свою очередь искажает историческую действительность.

Еще один дирхем Харуна ар-Рашида, чеканенный в 803–804 гг., найден в камерном погребении 297 Тимеревского некрополя. В кургане обнаружено парное погребение женщины 30–45 и девочки 11–13 лет. Ряд предметов из этого захоронения находит аналогии в инвентаре погребения 348/2: нож, рукоять которого оплетена серебряной проволокой, парные овальные фибулы (ЯП 51К по определению В.Н. Седых), серебряный перстень с сердоликовой вставкой (в этом случае он был одет на фалангу пальца медвежьей лапы), крупные круглые и рифленая хрустальные бусины. Авторы раскопок датируют погребение 297 второй-третьей четвертью X в. (Седых, 2001а. С. 179, 180), но оно, видимо, относится к более позднему периоду и синхронно камерному захоронению 348.

В своде Т.В. Равдиной зафиксирован еще только один случай обнаружения в древнерусских погребениях дирхема чеканки предположительно Харуна ар-Рашида⁴. Речь идет о знаменитом гнёздовском кургане Л-13, раскопанном экспедицией Московского государственного университета (МГУ) под руководством Д.А. Авдусина в 1949 г. (Равдина, 1988. С. 43). О датировке кургана Л-13 существуют разные мнения, наиболее аргументированной выглядит дата, предложенная В.С. Нефедовым, – 930–960 гг. (2001. С. 65. Обзор литературы). Но позиция автора небесспорна. Интересующая нас монета не учитывается при хронологических построениях, так как была превращена в подвеску и, следовательно, воспринимается исследователями исключительно как украшение. Необходимо заметить, что монеты чеканки Абассидов, в том числе и IX в., встречаются на поселениях и вкладах Гнёздовского археологического комплекса (Пушкина, 1999. С. 406–409).

Английскому пенни посвящена отдельная работа (Зозуля, Стукалова, 2010). Он относится к кругу коммеморативных монет в память ученика Эдмунда, убитого викингами. Считается, что такие монеты выпускались в 890–910 гг. (North, 1980. P. 483). Стоит добавить, что точных аналогий находке из Тимерево найти не удалось, хотя известно более 1700 монет этой серии и более 200 штемпельных пар. Таким образом, рассматриваемый пенни относится к конечному этапу выпуска монет этого круга, одновременно являясь одной из самых ранних западноевропейских монет на территории Восточной Европы⁵.

Наиболее близкая по контексту находка раннего денария на территории Древней Руси – инвентарь кургана 124 Лесной группы Гнёздовского археологического комплекса, раскопанный экспедицией МГУ под руководством Д.А. Авдусина в 1980 г. Погребение было совершено по обряду ингумации в могильной яме. В ожерелье из пронизок, лимонок и других типов бус входили две монеты-привески – омеядский дирхем халифа Умара, чеканенный в Дамаске в 718–719 гг., и денарий из Фландрии, чеканенный графом Болдуином IV (989–1036 гг.) (Равдина, 1988. С. 46). Однако последние исследования говорят о том, что денарий более ранний – каролингский (Пушкина, Стукалова, 2011. С. 96, 97). Несмотря на изменение атрибуции монеты датировка погребения остается прежней – конец X или рубеж X–XI вв. Таким образом, погребение Л-124 в Гнёздово синхронно погребению 348/2 в Тимерево, а в инвентаре прослеживаются явные параллели: ожерелье, в состав которого входили подвеска-дирхем (в обоих случаях довольно ранние) и подвеска-денарий (в обоих случаях чрезвычайно ранние для древнерусской территории).

Пути проникновения на территорию Древней Руси ранних денариев из-за их малочисленности не исследовались специально. Но вполне разумно предположить, исходя из датировок комплексов, в которых обнаружены эти монеты⁶, что они поступили на территорию Древней Руси вместе с общим потоком европейских монет, начавшимся после сокращения поступления восточного серебра начиная с последней четверти X в.

М.В. Потин отмечал, что у нас практически отсутствуют свидетельства прямых связей Древней Руси и Англии эпохи викингов. Большинство монет, изготовленных на Британских островах, попали на древнерусскую территорию через скандинавские страны. В свою очередь абсолютное большинство английских монет попало на территорию Скандина-

рой Ладогe случайно найдена медная английская монета времен правления короля Нортумбрии Эанреда (810–840 гг.) (Гайдуков, 2010). В 1878 г. во дворе пивоварни в г. Лодейное Поле свинья разрыла горшочек с кладом из 3280 (?) монет. В их число входили две монеты Бургреда (852–874 гг.), хотя сам клад относится ко времени не ранее 1105 г. Однако он был распродан, описание его, сделанное Ю.Б. Иверсеном, не сохранилось, монетный состав реконструирован В.М. Потинным, поэтому к находке приходится относиться с определенной осторожностью (1967. С. 146; 1968. С. 124). К нехарактерным ранним находкам европейских монет на территории Древней Руси можно добавить полубрактеат Хедебу первой четверти IX в., обнаруженный у д. Кислая в 1967 г. в составе клада, включавшего куфические монеты и несколько сасанидских драхм. Клад датируется второй половиной IX в. (Шмидт, 1969. С. 64; 1983. С. 77).

⁶ Кроме клада из д. Кислое. В этом случае попадание полубрактеата на территорию Древней Руси произошло раньше начала регулярного поступления сюда европейских монет.

⁴ Монета Харуна ар-Рашида 796–797 гг. еще была найдена на месте кургана Ц-2 в Гнёздово. Но каким образом она связана с самим погребением, неясно (Равдина, 1988. С. 44).

⁵ На территории Древней Руси обнаружено несколько более ранних английских монет, чем находка из Тимерево. В Ста-

вии в составе так называемых датских денег, выплаты которых происходили с 991 г., особенно крупные суммы выплачивались в 994, 1002 и 1007 гг. Наблюдения над кладами с английскими денариями позволили М.В. Потину заключить, что наибольшее количество английских денариев в древнерусских кладах приходится на вторую четверть XI в., после чего их количество сокращается. Таким образом, большинство английских монет поступило на территорию Центральной и Восточной Европы через Скандинавские страны практически сразу после выплат датских денег (Потин, 1968. С. 109, 110, 120, 121).

Вероятно, денарий из погребения 348/2 попал в Скандинавию (а после – и в Древнюю Русь) именно таким путем – в качестве дани, выплаченной датчанам населением Англии в 90-е годы X в. И хотя доказать подобную гипотезу невозможно, этот путь кажется наиболее логичным и вероятным.

О превращении монет из кургана 348 в подвески в скандинавской среде говорит и форма ушка – использование ушек из узкой рубчатой пластины характерно для раннесредневековой Скандинавии (Пушкина, 2007. С. 327).

Невозможно не обратить внимания на то, что ушко на денарии из кургана 348 расположено так, что не нарушена геометрия креста. С большой долей вероятности можно считать, что монета использовалась в качестве христианского символа, да и сам обряд камерного погребения многие ученые связывают с христианизацией древнерусской территории. И хотя проникновение христианства в элитарную среду Древней Руси и Скандинавии произошло несколько раньше, чем акт официального крещения, все же это может послужить дополнительным косвенным аргументом в пользу датировки погребения временем после 988 г.

Использование монет в качестве христианских символов уже не раз привлекало внимание исследователей. Известны граффити на дирхемах с христианской символикой или тестом (Седых, 2001б. С. 107, 108), крестики, вырезанные из дирхемов и денариев (курганы 417 и 459 некрополя в Тимерево, курган 9 погр. 1 и 7 грунтового могильника Никольское III), подражающие крестовидным подвескам (Фехнер, Недошивина, 1987. С. 84; Макаров, 1990. С. 72; Недошивина, 1983; Пушкина, 1997. С. 123, 127). Описанное расположение ушка для подвешивания выявлено и на подвеске из погребения 348/2 в Тимерево, и на подвеске из кургана Л-124 в Гнёздово, и на целом ряде византийских монет, к примеру, из курганов Ц-171 и Ц-208 Гнёздовского могильника⁷.

⁷ Византийские монеты с расположенным подобным образом ушком встречаются в слоях поселений и в погребениях второй половины X в. крупных древнерусских центров. В задачи этой

Датировка погребения как минимум второй половиной X в. не вызывает сомнений. Но хотелось бы попытаться установить дату погребения точнее. Наиболее вероятной кажется гипотеза, что захоронение было совершено в 990–1010 или даже 990-е годы, исходя из анализа поступления восточного серебра и западноевропейских монет на территорию Древней Руси, наблюдений И. Каллмера за хронологией распространения каменных бус на территории Скандинавии и обнаружения монеты, превращенной в привеску с христианской символикой.

Таким образом, камерное погребение кургана 348 – отнюдь не самое раннее камерное захоронение в Тимерево. Совершенно очевидно, что погребение не выпадает из общей хронологии камерных захоронений Ярославского Поволжья (да и Древней Руси в целом). Если принять датировку 990–1010 гг., то погребение из насыпи 348 – одно из самых поздних классических камерных захоронений на территории Древней Руси.

Выражаю благодарность за консультации и помощь А.С. Дементьевой, активно занимающейся хронологией гребней с бронзовыми накладками на территории Древней Руси, и А.В. Фомину.

Выражаю благодарность Т.А. Пушкиной и Н.В. Енисовой за указание комплексов из Гнёздово, содержащих византийские монеты с приклепанными ушками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д.А., Пушкина Т.А.* Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города. М., 1989.
- Андреева Е.Г.* Определение костных остатков из курганов Б. Тимеревского могильника, раскопанных в 1976 г. // НВА ГИМ. Д. № 352.
- Гайдуков П.Г.* Англосаксонская монета IX в. из Старой Ладogi // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. I. М., 2010.
- Дорофеева Т.С.* Инталия с городища под Новгородом // Новгород и новгородская земля. История и Археология. Великий Новгород, 2010.
- Дубов И.В.* Новые раскопки Тимеревского могильника // КСИА. 1976. Вып. 116.
- Дубов И.В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
- Дубов И.В., Седых В.Н.* Новые исследования тимеревского могильника // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992.
- Дубов И.В., Седых В.Н.* Камерные и срубные гробницы Ярославского Поволжья // Историческая этнография. Вып. 4. СПб., 1993.

работы не входил сбор сведений о всех известных византийских монетах, использовавшихся в качестве христианских символов.

- Жарнов Ю.А.* Гнёздовские курганы с остатками трупоположения // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.
- Зозуля С.С., Стукалова Т.Ю.* Английский денарий начала IX в. из Тимеревского археологического комплекса⁸ // Номизма. 2010. № 1.
- Карпунин А.А.* Некоторые результаты дендроанализа материалов из раскопок в Гнёздово // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Тр. ГИМ; Вып. 124).
- Киртичников А.Н.* Историческое наследие Старой Ладogi // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. М., 2009.
- Макаров Н.А.* Население русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990.
- Мальм В.А., Недошивина Н.Г., Фехнер М.В.* Раскопки тимеревского могильника в Ярославле // АО–1976. 1977.
- Михайлов К.А.* Древнерусские камерные погребения в Гнёздово // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Тр. ГИМ; Вып. 124).
- Недошивина Н.Г.* Средневековые крестовидные привески из листового серебра // СА. 1983. № 4.
- Недошивина Н.Г., Фехнер М.В.* Погребальный обряд тимеревского могильника // СА. 1985. № 2.
- Нефедов В.С.* Археологический контекст “древнейшей русской надписи” из Гнёздово // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Тр. ГИМ; Вып. 124).
- Нефедов В.С.* Городище Рокот в структуре синхронных поселений Днепро-Двинского междуречья // XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 2004.
- Подвигина Н.Л.* Перстни из Гнёздова // Археологический сборник. М., 1961.
- Потин В.М.* Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории древней Руси. Л., 1967 (Тр. ГЭ; Т. IX).
- Потин М.В.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л., 1968.
- Пушкина Т.А.* Воск и свечи в древнерусских погребениях. М., 1997 (Тр. ГИМ; Вып. 93).
- Пушкина Т.А.* Нумизматические материалы из раскопок Гнёздова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999.
- Пушкина Т.А.* Сувениры Аустровета // У истоков русской государственности. СПб., 2007.
- Пушкина Т.А., Стукалова Т.Ю.* Средневековые западноевропейские монеты в нумизматической коллекции Гнёздова // От палеолита до средневековья. М., 2011.
- Равдина Т.В.* Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М., 1988.
- Седых В.Н.* Новые данные к истории Великого Волжского пути // Великий Волжский путь. Казань, 2001а.
- Седых В.Н.* О функциях монет в погребениях Древней Руси // IX Всерос. нумизмат. конф. СПб., 2001б.
- Фехнер М.В.* Отчет о раскопках могильника близ д. Тимерево Ярославской обл. в 1976 г. // НВА ГИМ. Д. № 352.
- Фехнер М.В., Недошивина Н.Г.* Этнокультурная характеристика тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2.
- Шмидт Е.А.* Раскопки в Смоленской области // АО–1968. 1969.
- Шмидт Е.А.* Древнерусские археологические памятники Смоленской области. М., 1983.
- Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.
- Callmer J.* Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A.D. Lund, 1977 (Acta Archaeologica Lundensia; Ser. Intern. 4. № 11).
- Jansson I.* Oval brooches. A study of Viking Period standard jewellery based on the finds from Birka, Sweden. Archeological Studies. Uppsala University Institute of North European Archeology. Aun 7. Uppsala, 1985.
- North J.J.* English hammered coinage. V. 1. Early Anglo-Saxon to Henry III, c. 600–1272. L., 1980.

⁸ В названии статьи допущена досадная опечатка. Денарий относится к X в.